

На правах рукописи

Симонова Марина Владимировна

**ОБРАЗ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЖДЕЙ XVII–XVIII ВЕКОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

Официальные оппоненты:

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», кафедра гуманитарно-экономических и естественнонаучных дисциплин филиала ТИУ в городе Нижневартовске, профессор

Худолеев Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет», кафедра истории, обществознания и методики обучения Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Защита состоится 22 декабря 2017 года в 17 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/SimonovaMV22122017.html>

Автореферат разослан « ____ » октября 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 Шевцов
Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Одним из самых важных вопросов изучения исторического процесса является выяснение роли личности в истории. Любое массовое движение возглавляется или выдвигает лидеров и ни одно народное движение невозможно полноценно изучить без учёта личности его вождя. Он является средоточием и отражением воли толпы и времени. Ярким примером этого является деятельность вождей крестьянских восстаний в России в XVII–XVIII веках. Во все последующие века личности И. И. Болотникова, С. Т. Разина, К. А. Булавина, И. Ф. Некрасова и Е. И. Пугачёв, оставались в народной памяти как герои и защитники, привлекали внимание историков. Но, в отличие от благодарной народной памяти, историки в разные времена очень по-разному оценивали деятельность крестьянских вождей. Однако до сих пор в отечественной историографии не было полноценной попытки изучить этот феномен. В этом заключается актуальность избранной автором темы исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Изучение крестьянских восстаний велось отечественными историками уже с конца XVIII в., но литература о личностях вождей этих движений скудна. Её появление можно связать с советским временем, когда историки свои монографии предваряли небольшими поверхностными обзорами, которые не являлись полноценными историографическими трудами. Исключением стали некоторые работы. Одна подготовлена датским исследователем С. О. Кристенсеном, но и та отражает лишь события XVII века¹. Другая работа подготовлена В. И. Бугановым в виде

¹ Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников: Пер. с дат./ Вступ. ст. и общ. ред. В.И. Буганова. – М.: Прогресс, 1989

указателя литературы о И. И. Болотникове, С. Т. Разине, К. А. Булавине, Е. И. Пугачёве, В. Усе, И. Белобородом, С. Юлаеве за пятидесятилетие перед выходом книги в 1979 году². Другой исследователь, который трудился на рубеже советского и современного периодов историографии – В. М. Соловьёв³, является специалистом по теме разинщины. Уделяя особое внимание советскому периоду, он провёл историографическое исследование, но посвящённое только разинщине и самому Разину. В рамках изучения пугачёвского движения и персоны Пугачёва стоит выделить работы современного исследователя В. Я. Мауля⁴, который специализируется в изучении данного вопроса.

В целом жизнь и деятельность крестьянских вождей рассматриваются лишь как составной элемент восстаний XVII–XVIII в.

Объектом диссертации являются труды отечественных исследователей крестьянских войн и восстаний с XVIII в. по сей день.

Предметом же исследования являются концепции крестьянских войн и трактовки личностей их вождей в отечественной историографии.

Цель исследования состоит в том, чтобы путем сравнения образов крестьянских вождей XVII–XVIII веков в отечественной историографии в различные исторические периоды выявить факторы и последствия изменений этих оценок, их влияние на историописание.

Задачи в связи с этим поставлены следующие:

² Предводители крестьянских войн в России XVII-XVIII вв.: Рек. указ. лит. / Науч. ред. и вступ. ст. В. И. Буганова. – М.: Книга, 1979.

³ Соловьёв В. М. Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. М.: Изд-во УДН, 1991.

⁴ Мауль В. Я. Образ Емельяна Пугачёва на страницах книг серии ЖЗЛ: в зеркале сравнений // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 180-199; Мауль В. Я. Российская историография начала XXI века о пугачёвском бунте (некоторые аспекты проблемы) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (37). С. 160–169.

- проанализировать работы историков дореволюционного периода и выявить характеристики И. И. Болотникова, С. Т. Разина, К. А. Булавина, И. Ф. Некрасова и Е. И. Пугачёва;
- рассмотреть работы историков советского периода с целью поиска суждений о личностях крестьянских вождей;
- изучить работы историков постсоветского периода для выявления характеристик крестьянских вождей;
- выявить связь политических условий деятельности историков с их оценками личностей крестьянских вождей;
- обобщить представления историков о роли личности каждого из рассматриваемых крестьянских вождей в истории.

Методологическая и теоретическая основа

В качестве **методологии** исследования использован формационный подход к объяснению истории. Он позволяет четко выделить социальные причины трансформации взглядов историков. В диссертации использована также категория цивилизационной парадигмы – «культура», которая включает такие понятия как способ мышления, ценности и нормы, меняющиеся в соответствии с эпохами развития человечества.

Применялись как общенаучные методы исследования, так и специальные. Из общенаучных использованы следующие: принцип историзма, который предусматривает рассмотрение конкретного события в его изменении, в связи с особенностями периода истории. Принцип системности, позволяющий провести комплексный анализ личности крестьянского вождя. В его рамках появляется возможность проследить взаимодействие истории, литературы, медицины, психологии.

Из специальных методов исследования применялись сравнительно-исторический метод и проблемно-хронологический метод.

Теория вопроса напрямую связана с ролью личности в истории. Основными теоретиками данной темы были В. Г. Плеханов и Н. К. Михайловский. Последний создал теорию личности «борьба за индивидуальность», согласно которой именно развитие личности является критерием общественного прогресса. Личность же крестьянского вождя в первую очередь должна быть понятной и доступной для простого народа, чтобы иметь связь с ним, иначе их деятельность не получила бы широкого отклика в населении, а это первостепенный залог успеха. Но при этом, они должны были иметь и прогрессивные для своего времени взгляды, иметь харизму, т.е. дар убеждения.

Использованные источники

1. Самая многочисленная группа источников – труды отечественных историков. В их число входят фундаментальные труды по истории России, которые появлялись в период до революции (Н. М. Карамзин⁵, С. М. Соловьёв⁶, В. О. Ключевский⁷). Эти работы показательны тем, что они освещают крестьянские восстания и их вождей в контексте истории России, а значит, авторы не ставили перед собой задачу подробнейшего изучения личностей крестьянских вождей. В советский же период основной формой исследования стала статья (И. И. Смирнов⁸, В. И. Корецкий⁹, А. А. Зимин¹⁰), затем, с середины века появились и монографии, посвящённые

⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского: монография в 12 т. – Калуга: Золотая аллея, 1993.

⁶ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен: монография в 15 кн. – М.: Соцэкгиз, 1960.

⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории: монография в 9 т. – М.: Мысль, 1988.

⁸ Смирнов И. И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории, 1958. №12. С. 116-131.

⁹ Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова (вступительная статья) // Вопросы истории. 1971. №5. С. 130-152.

¹⁰ Зимин А. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории, 1958. №3. С. 97-113.

отдельным историческим событиям (Р. Г. Скрынников¹¹, В. И. Буганов¹²). Научная статья является оперативным отражением событий, происходящих в научной среде. Именно посредством статей в 1950-е гг. велись жаркие дискуссии по вопросу крестьянских войн в России. К этой же группе относятся и изданные лекционные материалы (Б. Б. Граве¹³, М. П. Вяткин¹⁴) и аналитические работы, характеризующие художественный и фольклорный образ народных вождей (Т. В. Гераськин – «Художественное осмысление крестьянской войны 1670–1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст»¹⁵, Н. Г. Евстратов – «Набеглый царь» В. Г. Короленко»¹⁶, Г. Г. Копылова – «Художники рисуют Пугачёва»¹⁷). Лекционные материалы дают возможность увидеть обобщенную точку зрения академической науки советского периода. Труды историков, входящие в данную группу источников, содержат концепции крестьянских войн и отражают взгляды историков, являясь показателем особенностей историографических периодов.

2. Сборники опубликованных документов и материалов. На сегодняшний день огромный массив документов по крестьянским восстаниям опубликован, поэтому, нет острой необходимости работать в

¹¹ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». – М.: Мысль, 1988. – 283 с.

¹² Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1976. – 223 с.

¹³ Граве Б. Б. Восстание Пугачева : Стенограмма лекции тов. Б. Граве, прочит. 23 июня 1936 г. – Ленинград : [б. и.], 1936. – 29 с.

¹⁴ Вяткин М. П. Емельян Пугачев : Стенограмма публичной лекции ... / д-р ист. наук М. П. Вяткин ; Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Ленингр. отд. – Л., 1951. – 40 с.

¹⁵ Гераськин Т. В. Художественное осмысление крестьянской войны 1670–1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст [Электронный ресурс] // Интеграция образования, 2015. – Т. 19 №1 (78). С. 141–148. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/15-1.pdf> (Дата обращения 30.04.2017).

¹⁶ Евстратов Н. Г. «Набеглый царь» В. Г. Короленко // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. : сб. ст. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 76–95.

¹⁷ Копылова Г. Г. Художники рисуют Пугачёва // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. : сб. ст. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 115–130.

архивах («Материалы для истории Пугачевского бунта» Я. К. Грота¹⁸, В. И. Недосекин – «Новые данные о Булавинском восстании»¹⁹, «Три путешествия» Я. Я. Стрейса²⁰, Н. И. Фомин – «Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот»²¹). Огромный вклад в издание документов внесли Е. И. Индова²² и Р. В. Овчинников²³. Последний является специалистом по пугачёвщине, поэтому он публиковал документы именно по этому периоду. В целом, эта группа источников позволила увидеть источниковедческий аспект работы некоторых историков, сравнить источниковые базы исследователей;

3. Фольклор (песни, сказки, легенды), например, русские народные песни (сборник, составленный И. Н. Розановым²⁴), татарские народные

¹⁸ Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. – СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1876. – 144 с.

¹⁹ Недосекин В. И. Новые данные о Булавинском восстании [Электронный ресурс] // Советские архивы. 1967. № 3. С. 107-111. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/Nov_dannye/text.htm (Дата обращения 21.02.2016).

²⁰ Стрейс Я. Я. Три путешествия, 1880 [Электронный ресурс] Электрон. версия печат. публ. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/strejs-yan/tri-puteshestviya> (дата обращения: 15.04.2017).

²¹ Фомин Н. И. Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот. – Москва: В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической академии, 1836. – 65 с.

²² Индова Е. И. Проблемы крестьянской войны 1773-1775 гг. в свете новых источников/ Е.И. Индова, М.Д. Курмачева, Р.В. Овчинников, С.С. Дрейзен, Е.И. Самгина // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тезисы докладов. – Оренбург : [б. и.], 1973. – С. 5–10.

²³ Емельян Пугачев на следствии : Сб. док. и материалов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рос. гос. арх. древ. актов; [Сост. Р. В. Овчинников, А. С. Светенко]. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 463 с.; Овчинников Р. В. Документы свидетельствуют. // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. : сб. ст. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 37–64; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковед. исслед. – М. : Наука, 1980. – 280 с.

²⁴ Русские песни / Сост. проф. Ив. Н. Розанов. – М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1952 – 404 с.

песни (Н. Ф. Ибрагимов²⁵), локальные предания (предания Оренбурга – Б. Ф. Любеченко²⁶). Материалы фольклора как исторический источник стали использовать советские историки.

Помимо источников привлекалась дополнительная литература. Она позволила проследить историографию вопроса, изучить концепции историков, методологические особенности исторической науки в целом и историографии в частности.

Научная новизна предпринятого автором исследования заключается в первом специальном изучении эволюции трактовки роли крестьянских вождей XVII–XVIII вв. в отечественной историографии.

Основные положения, выносимые на защиту.

образ крестьянского вождя в дореволюционной историографии характеризовался крайне негативно в связи с государственной установкой – все антиправительственные деятели являются изменниками;

советская историография неоднородна, в ней выделяются периоды, в которых оценки крестьянских вождей отличались друг от друга в зависимости от складывавшейся политической ситуации: 1920-е гг. – переходный период от немарксистской к марксистской историографии (от негативной к позитивной), 1930–1950-е гг. – период жёсткой регламентации образа крестьянского вождя как народного героя, 1970-е гг. – снижение партийного контроля за деятельностью историков в этом направлении и накопление опыта объективного анализа фактов. Советская историография с 1930-х гг. вырисовывала в целом

²⁵ Ибрагимов Н. Ф. Татарские народные предания о пугачёвском восстании // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тезисы докладов. – Казань: [б. и.], 1974. – С. 35–37.

²⁶ Любеченко Б. Ф. Оренбургские предания о крестьянской войне 1773-1775 гг. // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тезисы докладов. – Оренбург : [б. и.], 1973. – С. 48–51.

апологетический образ крестьянского вождя вследствие установки официальной идеологии, что классовая борьба являлась главной движущей силой исторического прогресса, а бунтари и революционеры – главными героями отечественной истории;

образ крестьянского вождя в современной литературе выстраивается и распространяется среди населения по большей части на основе научно-популярных работ как негативный. В современной профессиональной исторической литературе не наблюдается особого интереса к теме, но можно выделить небольшую группу историков, которые изучают личности крестьянских вождей как реальных исторических персонажей (О. Г. Усенко, В. Я. Мауль, Е. Н. Трефилов, Д. В. Сень);

психология крестьянских вождей стала изучаться лишь несколько десятилетий назад, поэтому это направление является перспективным, что, несомненно, относится к достоинствам современной литературы;

фольклорный позитивный образ крестьянского вождя прямо противоположен негативному образу, созданному дореволюционными правительственными документами и современной научно-популярной литературой;

особое положение занимает казацкая историография, в рамках которой авторы в апологетике казацких вождей доходят до оправдания их государственной измены;

выявление объективного образа крестьянского вождя на всех этапах историографии было принципиально не достижимо, так как общий порок историографии темы – недостаток информации усугублялся классовой тенденциозностью авторов. Вместе с тем накопление информации и совершенствование методов исследования позволили за изучаемый период историографии более четко представить портреты крестьянских

вождей. Речь идёт как об уточнении биографий, так и о более чётком представлении о мотивах их деятельности.

Научно-практическая значимость диссертации. Материалы и обобщения, содержащиеся в диссертации, могут быть полезны при подготовке обобщающих исследований по отечественной историографии, для подготовки аналитических сообщений, учебных пособий и специальных курсов в ВУЗах по направлению «История России».

Достоверность полученных выводов диссертации обеспечена широким кругом использованных историографических и документальных источников; использованием соответствующей методологии; соблюдением основных принципов исторического исследования.

Структура диссертации. Структура диссертации выстроена согласно задачам исследования. Она состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. В первой главе освещена дореволюционная историография, во второй главе – советская, в третьей – постсоветская. В каждой главе содержатся разделы, посвященные Болотникову, Разину, Булавину, Некрасову и Пугачеву.

Апробация результатов работы.

Часть выводов диссертации представлена в докладах на XI и XII Международных научных конференциях молодых ученых и студентов «Актуальные вопросы истории, международных отношений и документоведения» в апреле 2015 и апреле 2016 годов в Томске. Другая часть результатов диссертации освещена в научных статьях.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, её научная новизна и практическая значимость, определяются цель и задачи исследования, его объект и предмет, характеризуются степень изученности темы и источниковая база.

Первая глава «Дореволюционная историография» освещает период изучения крестьянских восстаний и их вождей до 1917 года с учётом специфики указанного периода и особенностей взглядов самих историков. Первая глава, как и две последующие, состоит из пяти разделов. Каждый раздел посвящён следующим персонам: Ивану Исаевичу Болотникову, Степану Тимофеевичу Разину, Кондрату Афанасьевичу Булавину, Игнату Фёдоровичу Некрасову и Емельяну Ивановичу Пугачёву.

Первый раздел «Иван Исаевич Болотников» раскрывает особенности оценок историков личности И. И. Болотникова. Для решения данной задачи автором были проанализированы труды Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова. Основной проблемой для историков стало незначительное количество источников, которые бы содержали информацию о восстании Болотникова.

При описании событий восстания Болотникова как части Смуты, историки-классики в первую очередь интересовались социальной принадлежностью главы восстания для выявления мотивов его поведения. Так как в документальных источниках времён Смуты не сохранилось прямого указания на сословную принадлежность Болотникова, для её установления, историки прибегали к анализу лозунгов и деятельности Болотникова. Исходя из лозунгов, распространяемых Болотниковым, Карамзин, Костомаров, Ключевский и Платонов сделали вывод о его низком социальном происхождении и преступных помыслах. Соловьев прямо отнес Болотникова к казачеству.

Во втором разделе «Степан Тимофеевич Разин» представлен сравнительно-исторический анализ работ Ф.И. Соймонова, А. П. Сумарокова, Н. И. Фомина, А. Н. Попова, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, С. Ф. Платонова для выявления характеристик С. Разина. Соймонов и Сумароков иллюстрируют государственный подход к освещению деятельности Разина, в следствие чего, давали ему самые нелицеприятные оценки, представляя его своим читателям не только как государственного преступника но и как отступника от христианской церкви, что являлось в XVIII в. серьезнейшим обвинением. Фомин использовал художественные приемы для освещения разинщины, в том числе, в его работе присутствуют элементы явного вымысла.

Первый историограф разинщины дореволюционного периода – А. Н. Попов, провел доскональное изучение деятельности Разина на основе огромного массива источников. Он, как и предшествующие исследователи, сделал вывод о том, что мотивом действий Разина явилось желание обогащения, а не смерть старшего брата от рук Ю. В. Долгорукого.

С. М. Соловьев назвал грабежи, устраиваемые разинцами, вынужденными действиями, в связи с тяжелым экономическим положением казачества со второй половины XVIII в. Непосильное тягло казачества подтвердил в своей работе и Н. И. Костомаров. Н. И. Костомаров и Н. Н. Фирсов в отличие от других исследователей, отводили огромное историческое значение персоне Разина, который, благодаря своим способностям и свойствам характера, стал проводником чаяний части населения, находившегося в трудном положении.

В третьем разделе «Кондратий Афанасьевич Булавин» рассмотрена историческая литература, которая содержит характеристики К. А. Булавина. Были использованы сочинения А. И. Ригельмана,

И. И. Голикова, В. Б. Броневского, П. П. Ламбина, С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, Ф. Д. Крюкова и Е. П. Савельева.

Именно в этот период исследователями был обозначен спорный вопрос в изучении восстания Булавина – инициатива деятельности Булавина. Так Ригельман, Голикиков, Костомаров высказывали мнение о том, что Булавин действовал по собственной инициативе. У Броневского была зафиксирована идея, что Булавин являлся сообщником Мазепы. Впервые идею о том, что Булавин пользовался поддержкой войсковой старшины Черкаска, высказал Соловьев.

В дореволюционной историографии, при изучении истории восстания Булавина, особо выделился блок казацких историков – Д. Крюков, Е. П. Савельев и уже после революции П. Н. Краснов. В их работах действия Булавина представлены как вынужденные, а сам Булавин – как борец за справедливость.

Четвертый раздел «Игнат Фёдорович Некрасов» содержит анализ оценок историков дореволюционного периода о И. Некрасове. При работе над этим сюжетом было выявлено, что о Некрасове почти не сохранилось информации как в источниках, так и в трудах историков. В связи с этим, исследователи больше уделяли внимание жизни казаков-некрасовцев, которые были уведены с Дона Некрасовым, чем самой личности их вождя.

Пятый раздел «Емельян Иванович Пугачёв» освещает исторические исследования, посвященные персоне Е. Пугачева. Сложность для первых историографов пугачевщины заключалась в недоступности материалов следственного дела над Пугачевым. Хотя, несмотря на это, уже у Пушкина в распоряжении были делопроизводство екатерининских военачальников, расспросные речи бунтовщиков, свидетельские показания участников восстания, показания жены Пугачёва

(С. Недюжевой), показания самого Пугачёва от 1772 г., корреспонденция императрицы и др. Материалы допросов Пугачева в Яицком городке и Симбирске были опубликованы только в 1858 г., а материалы последнего московского допроса были опубликованы только в 1935 г. До революции первым, кто смог поработать с материалами следственного дела был Н. Ф. Дубровин, который дал негативную оценку деятельности Пугачева. Из-за недоступности основного массива документов по истории пугачевщины, работы дореволюционного периода носили описательный, а не оценочный характер.

Вторая глава, «Советская историография», посвящена периоду с 1917 г. до начала 1990-х гг. Здесь проанализированы работы исследователей советского периода с учётом изменений, которые происходили в исторической науке того времени. Надо обратить внимание, что советский период для историков принёс массу изменений, как в методологическом плане, так и в идеологическом. Особое давление идеологии на историческую науку можно наблюдать в 1930-50-е гг. в так называемый сталинский период. Именно в это время исторические факты стали искажать или замалчивать в целях политической пропаганды. Неудобные историки и их концепции подвергались шельмованию, как например М. Н. Покровский или С. Г. Томсинский. С 1960-х гг. начинается восстанавливаться практика научной полемики посредством научных статей, что говорит о новом этапе развития исторической науки. Она снова стала наукой, которая отыскивает и выверяет новые факты.

Первый раздел «Советские историки об Иване Исаевиче Болотникове» анализируется смена оценок историков личности Болотникова в работах Ю. В. Готье, М. Н. Покровского, И. И. Смирнова, В. И. Корещкого, Р. Г. Скрынникова, А. А. Зимина, В. И. Буганова. Работы 1920-х гг. не представляют новых оценок личности Болотникова, он, как и прежде,

показан государственным преступником. Но, начиная с работ М. Н. Покровского, наблюдается смена идеологического вектора исторической науки. Теперь мотивацией деятельности любого крестьянского вождя становилась классовая борьба. В этой связи, Болотников стал в трудах историков изображаться как борец за права обездоленного населения. 1951 год ознаменовался выходом книги И. И. Смирнова «Восстание Болотникова 1606–1607», в которой события восстания излагались с позиций марксистского подхода к истории. А с конца 1950-х гг. по вопросу восстания Болотникова стали разворачиваться дискуссии, в рамках которых устанавливались новые подробности восстания.

Второй раздел «Степан Тимофеевич Разин в советской историографии» раскрывает особенности историописания разинщины в советский период. Особенностью периода стало то, что персона Разина попала в число исторических личностей, которые стали использовать в качестве политической пропаганды. С 1945 г. его личность стала укладываться историками в прокрустово ложе идеологии. Разин как лицо историческое не соотносилось с тем Разиным, которого вырисовывали историки советского периода.

С приходом хрущевской «оттепели» к изучению истории разинщины стали привлекать новые архивные материалы, а также произведения фольклора. Несмотря на факт значительного расширения источниковой базы исследователей, в работах 1970-80-х гг. оценка личности Разина не изменилась, он продолжал характеризоваться одномерно как народный герой.

Третий раздел второй главы «Кондратий Афанасьевич Булавин в историографии советского периода» выявляет изменения и новые тенденции в историописании восстания Булавина. Освещены труды П. Н. Краснова, В. И. Буганова, Е. П. Подъяпольской, В. И. Лебедева. Продолжилось детальное изучение биографии Булавина и ее уточнение и

расширение на основе новых введенных документов. В том числе историки выяснили высокое социальное положение среди казачества, его происхождение, путь переселения его семьи из Салтова в Трехизбянскую станицу. Продолжились споры среди историков о причастности войсковой старшины к действиям Булавина. Появился и новый вопрос – обстоятельства смерти атамана. Спор разгорался вокруг двух версий – убийство или самоубийство. Следует отметить, что, хотя Булавина и ставили в один ряд с Болотниковым, Разиным и Пугачевым, но оценки его личности в советское время были редки и не столь однозначны.

Четвертый раздел «Игнат Фёдорович Некрасов в историографии советского времени» содержит сведения об изучении личности И. Некрасова советскими историками. В ходе подготовки данного раздела было выявлено, что личность И. Ф. Некрасова интересовала больше представителей самостоятельной народной истории, чем историков-профессионалов. Здесь больше догадок и легенд, чем реальных фактов. Соответственно, произошла переориентация исследователей на изучение жизни и быта некрасовцев после ухода с Дона.

Пятый раздел второй главы «Портрет Емельяна Ивановича Пугачёва в трудах советских историков» характеризует изучение пугачевщины в различные периоды советской эпохи. В 1930–1950-е гг. читались публичные лекции о Е. И. Пугачёве, издавались монографии по региональной истории в рамках изучения темы, печатались новые архивные документы и работы на их основе. 1970-е гг. – пик изучения темы. Это было связано с празднованием 200-летия восстания Пугачёва. Издавались специальные монографии и множество сборников статей с научных конференций. Нельзя забывать и о том, что Пугачев наравне с Разиным стал представляться как образ народного героя, а не как реально существовавший человек. Поэтому, при характеристике Пугачева,

исследователи применяли исключительно позитивные эпитеты. Некоторые исследователи болезненно реагировали на попытки выявить причины промахов Пугачева, приведших к его пленению и разгрому восстания.

Невзирая на тенденциозность оценок личности Пугачева советскими историками, в работах 1970–1980-х гг. некоторые исследователи стали писать о таком качестве Пугачева как чрезмерное властолюбие и иллюстрировать это качество атамана множественными фактами из его биографии.

Третья глава «Современная историография о вождях крестьянских восстаний XVII–XVIII вв.», раскрывает особенности изучения личностей крестьянских вождей XVII–XVIII вв. с начала 1990-х гг. по сей день. Выявляются не только новые источники исследований, но и новые методы изучения уже известных материалов. Акцентируется внимание на исследователях, которые являются ведущими специалистами по изучению личностей тех или иных крестьянских вождей на современном этапе развития исторической науки. Помимо научного подхода к изучению тематики, выявлены и подходы в рамках научно-популярных трудов.

В первом разделе «Современные историки об И. И. Болотникове» представлена постсоветская историография восстания Болотникова. Она представлена работами Р. Г. Скрынникова, Л. Е. Морозовой, А. М. Панченко, Л. А. Черной, А. Л. Станиславского, К. В. Чистова и В. Я. Мауля. Уже с середины 1990-х гг. можно наблюдать отход исследователей от трактовки восстания Болотникова как антифеодального восстания. Позиции некоторых авторов кардинально меняются по отношению к персоне Болотникова (Р. Г. Скрынников).

Ко всей исторической науке 1990–2000-х гг. применим тезис о методологическом кризисе, в том числе и в рамках изучения крестьянских войн. Исследователи стали переориентироваться на изучение

ментальности участников крестьянских войн и мало-помалу стали прибегать к междисциплинарности и углубились в изучении культуры. После 2000-х гг. интерес к личности Болотникова значительно снизился.

Во втором разделе «С. Т. Разин в свете современной историографии» рассмотрены изменения оценок личности Разина в постсоветской исторической науке. В настоящее время популярные издания выпускают серии журналов или книг, которые представляют обобщенные характеристики различных исторических персонажей. Среди таких фигур есть и Разин. В подобных популярных изданиях он предстает перед читателем авантюристом с непомерной жаждой обогащения.

Среди серьезных исследователей выделяется О. Г. Усенко, развивающий направление исторической психологии. В рамках изучения разиновщины сегодня как особое направление выделяется изучение фольклора периода, посвященного разинщине.

Современное состояние историографии булавинского восстания представлено в **третьем разделе главы** «К. А. Булавин в трудах современных отечественных историков». На данном этапе исторического развития специалистом по теме выступает О. Г. Усенко, который занимается непосредственно изучением личности Булавина и Некрасова. Исследователь, в споре об инициативе восстания, обосновывает мнение о том, что заводчиком действий Булавина являлась старшина Войска Донского. Другой спорный вопрос биографии Булавина разрешает исследователь А. Г. Шкваров. Он аргументировано отстаивает мнение о том, что Булавин не мог наложить на себя руки, а имело место убийство.

В четвертом разделе «И. Ф. Некрасов в работах историков современности» анализируется вклад современных отечественных историков в изучение личности Некрасова. Как и прежде, в этом направлении исследователи продолжают заниматься региональными

асpekтами вопроса. В этой связи, неспециалисты самостоятельно предпринимают разыскания сведений о своих предках из числа некрасовцев через создание специализированных сайтов и форумов.

Среди специалистов, кто занимается изучением некрасовцев, выделяется исследователь Д. В. Сень.

Пятый раздел третьей главы «Постсоветская историография о Е. И. Пугачёве» отражает основные направления в изучении истории пугачевщины на современном этапе развития исторической науки. Личность Е. Пугачева одна из немногих среди крестьянских вождей, которая продолжает привлекать внимание исследователей. Именно в этой теме проявляется методологический плюрализм исторического исследования. Среди новых векторов можно выделить обращение историков к медицине, психологии, правоведению. Особенно активно привлечением новых методов для исторического исследования занимается В. Я. Мауль. Продолжается источниковедческая работа как с известными документами, так и с неопубликованными.

Востребована личность Пугачева не только среди историков-специалистов, но и среди непрофессионалов, занимающихся популяризацией истории, которые в коммерческих целях публикуют яркие, но малонаучные версии жизни крестьянского вождя.

В **заключении** подведены выводы исследования эволюции трактовки образов крестьянских вождей в отечественной историографии.

В дореволюционной историографии преобладал негативный образ крестьянских вождей, в связи с государственной установкой – все антиправительственные деятели являются изменниками. Представители школы «государственников» считали, что государство во главе с сильным правителем – это единственное благо для народа. Исходя из этого, любые антигосударственные движения расценивались как зло. Так, например,

С. М. Соловьёв все антиправительственные выступления называл язвой на теле государства. Именно поэтому И. И. Болотников, С. Т. Разин и Е. И. Пугачёв характеризовались как разбойники, но при этом историки отмечали и их воинские заслуги – полководческий талант, знание и применение умелых маневров. Двойкую оценку получили К. А. Булавин и И. Ф. Некрасов. С одной стороны, государственные историки отзывались о них как о негативных персонажах, с другой – казачьи историки описывали их как защитников исконно казачьих прав, на которые пытались посягать правительство.

Несмотря на тенденциозность и заданность оценок личностей крестьянских вождей, дореволюционные историки выявили ряд ценных источников по истории массовых народных движений и помогли сохранить существенную информацию о крестьянских вождях. Следует признать, что источниковая основа для суждений о личностях «изменников» была чрезвычайно скромной.

В советской историографии можно выделить периоды, которые в значительной степени отличались друг от друга. В 1920-е гг. влияние идеологии на историю ещё не столь заметно, поэму можно было видеть преемственность с дореволюционной историографией, например, это может иллюстрировать работа Ю. В. Готье. После Великой Отечественной войны историки получили социальный заказ на создание позитивного образа крестьянского вождя. В историографии создается апологетический образ крестьянского вождя, соответствующий официальной формационной идеологии, которая гласит, что любое вооружённое выступление народа является двигателем прогресса в истории. Соответственно, тот, кто является вождём этих выступлений, является народным героем. В этой связи, советские историки прибегали к замалчиванию фактов, которые представляли бы в невыгодном свете крестьянских вождей. К примеру,

В. М. Соловьёв при описании деятельности С. Т. Разина совсем никак не характеризует расправы разинцев над правительственными войсками, в то время как карательные действия государственной армии расписаны в подробностях. Следует отметить положительные результаты работы советских историков – выявление и публикацию массы новых архивных документов о крестьянских войнах и их руководителях. Однако на основе новых материалов возникло больше спорных вопросов, чем разрешённых. Одним из них стал социальный статус И. И. Болотникова – был ли он выходцем из казачества или принадлежал к разорившимся детям боярским? Новые источники давали возможность расширить представление о событиях крестьянских войн и их руководителях. Впервые были проанализированы портретные изображения С. Т. Разина, которые создавались его современниками. Говоря о деятельности И. Ф. Булавина, советские историки отказались от версии его самоубийства. Они серьезно расширили источниковую базу для изучения крестьянских войн, однако собрать сколько-нибудь полную информацию о личностях предводителей восстаний им не удалось.

Часть современных профессиональных историков, не вводя новых аргументов, вернулась к дореволюционным оценкам крестьянских вождей как антигосударственных преступников. Из-за этого, некоторые исторические сюжеты сегодня те же историки оценивают прямо противоположно, чем это было в советское время. Но всё же, есть группа исследователей, которая пытается продолжить изучение крестьянских восстаний и личностей их вождей объективно. Не имея возможности расширить число новых источников информации, они привлекают новые методы исследования. Впервые появляются работы, основанные на изучении ментальности. В современной историографии, наряду с трудами профессиональных историков, представлены опусы финансово

заинтересованных авторов, выполняющих коммерческий заказ. Эти труды имеют броские названия, яркие обложки, накрученный сюжет. Крестьянские вожди в них изображены ловкими авантюристами.

При анализе фольклорного материала о вождах восстания было выявлено, что фольклорный образ крестьянского вождя прямо противоположен образу, созданному правительственными документами. Но надо учесть, что это самый общий вывод. Некоторые легенды и сказания подтверждают тот нелицеприятный образ крестьянского вождя, который создавало правительство (легенды о том, как простой народ вооружался против пугачёвцев; легенды об укрывательстве от бунтовщиков господ). Хотя их и не много. Исследователями также были обнаружены особенности географического распространения легенд и преданий – песни о Разине имели больший ареал распространения, чем песни о Пугачёве, так как сведения о Пугачёве и его деятельности тщательно искоренялись правительством Екатерины II. Нельзя забывать и о том, что фольклорный материал исследователи стали целенаправленно собирать в XIX веке (Пушкин, Короленко, Садовников). Соответственно, многое не сохранилось. Как исторический источник фольклор стали изучать довольно поздно, лишь в советские десятилетия.

Так как история ментальности для отечественных исследователей является новинкой, в отличие от зарубежных коллег, то и психология крестьянских вождей стала изучаться лишь несколько десятилетий назад. Поэтому в этом направлении исследователям ещё придётся много трудиться.

В итоге можно говорить о том, что историки не смогли преодолеть туманность, мифологичность образов крестьянских вождей.

Итак, И. И. Болотников в дореволюционной историографии характеризовался как военный человек, достаточно популярный среди

населения, но при этих качествах чрезмерно властолюбивый и пытавшийся реализовать в ходе движения свои, сугубо личные цели. В советский период его оценка меняется в положительную сторону, а его деятельность обрастает новыми спорными подробностями, которые решались в рамках дискуссий на страницах журнала «Вопросы истории» – его социальный статус, путь продвижения к Москве, роль в движении, наличие или отсутствие у него армии при выходе из Путивля. Современные исследователи Болотникову уделяют мало внимания.

С. Т. Разин изначально характеризовался как смелый разбойник, но всё изменилось в советский период. Он буквально, как и Е. И. Пугачёв, стал иконой классовой борьбы. Современные же исследователи возвращаются к образу Разина как государственного преступника.

Видны схожие изменения в оценке личности в официальной историографии Разина и Пугачёва. Они даже в некоторых легендах фигурировали как один и тот же человек и их часто путали в простонародье. Как и Разина, дореволюционные историки характеризовали Пугачёва вором и злодеем. Советские же исследователи отмечали его энергичность и целеустремлённость, но самое главное, его желание помочь угнетённому народу. Современные историки очень подробно проанализировали жизнь Пугачёва во время восстания, главным мотивом его действий они назвали стяжательство и личный интерес.

Особняком стоят фигуры К. А. Булавина и И. Ф. Некрасова. Их личностям давали оценки не только представители официальной историографии различных периодов, но и казачьи историки. Официальные оценки К. А. Булавина и И. Ф. Некрасова дореволюционной, советской и постсоветской историографией близки к оценкам личностей других крестьянских вождей. Но казачьи историки давали им свою оценку. Она была сочувственной к деятельности

Булавина и Некрасова, так как те отстаивали права именно казачества, хотя советские историки объявляли их борцами за права всего угнетённого населения, т. е. крестьянства. Фольклорный образ этих людей совсем не соответствует документальным сведениям. Самой загадочной личностью в этом плане является Некрасов, так как некрасовцы в своих сказаниях всю деятельность Булавина приписывают Некрасову, например, убийство князя Ю. В. Долгорукого в Шульгинском городке. Сегодня движения Булавина и Некрасова изучаются, по большей части, в рамках региональной истории и истории семей переселенцев некрасовцев, которые вернулись в Россию. Отличительной особенностью в оценке личностей Булавина и Некрасова стало то, что их обошла чрезмерная идеологизация. Личность Булавина сегодня характеризуется достаточно объективно, с опорой на документы. Раскрываются побудительные мотивы его деятельности с точки зрения психологии. Булавин считал свои действия оправданными, так как он выполнял заказ казацкой старшины, которая затем отказалась от своей роли в этих событиях. Образ же Некрасова крайне опосредован из-за скудости источниковой базы.

Можно сделать вывод, что создание более-менее полного портрета любого из крестьянских вождей принципиально не достижимо, вследствие скудости и тенденциозности источников информации.

Общий недостаток информации усугубляется политизированностью исторического сюжета. Дореволюционная историография искала черты злодеев, советская — черты народных заступников. Сейчас есть возможность не следовать по путям прошлого, а попытаться сформировать более-менее объективный образ крестьянских вождей, ориентируясь на какой-либо политический заказ. Очевидно также то, что образы крестьянских вождей остаются позитивными в массовом сознании вне зависимости от позиций официальной истории.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Симонова М. В.** Портрет И. И. Болотникова в российской историографии / М. В. Симонова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 135–142. – DOI: 10.17223/15617793/394/23. – 0,77 п.л.

2. **Симонова М. В.** Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой? / М. В. Симонова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 160–164. – DOI: 10.17223/15617793/401/24. – 0,49 п.л.

3. **Симонова М. В.** К. А. Булавин в отечественной историографии / М. В. Симонова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 3 (41). – С. 121–128. – DOI: 10.17223/19988613/41/17. – 0,82 п.л.

Web of Science:

Simonova M. V. Cossack leader K. A. Bulavin in Russian historiography / M. V. Simonova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta-istoriya. Tomsk State University Journal of History. – 2016. – Vol. 3. – P. 121–128. – DOI: 10.17223/19988613/41/17.

Статья в сборнике материалов конференции:

4. **Симонова М. В.** Что известно о происхождении И. И. Болотникова? / М. В. Симонова // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной научной конференции. Томск, 08–10 апреля 2015 г. – Томск, 2015. – Вып. 11, т. 1. – С. 116–120. – 0,23 п.л.

Подписано в печать: 19.10.2017 г.
Тираж: 100 экз.
Печать: трафаретная
Печ. л. 1

Бумага: офсетная
Заказ: № 6057
Формат: 60×84/16

Издательство ООО «Дельтаплан»
624041, г. Томск, ул. Тверская, 81.
Тел. (3822) 435-400, 435-600